

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.: General
16 July 2013
Russian
Original: English

Комитет против пыток

Сообщение № 463/2011

**Решение, принятое Комитетом на своей
пятидесятой сессии, состоявшейся 6–31 мая 2013 года**

<i>Представлено:</i>	Д.Ю. (представлен адвокатом г-жой Евой Римстен из шведского Красного Креста)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата представления жалобы:</i>	30 мая 2011 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	21 мая 2013 года
<i>Тема сообщения:</i>	высылка заявителя в Узбекистан
<i>Процедурные вопросы:</i>	—
<i>Вопрос существа:</i>	опасность применения пыток по возвращению в страну происхождения
<i>Статья Конвенции:</i>	3

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьями 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятидесятая сессия)

относительно

Сообщения № 463/2011

<i>Представлено:</i>	Д.Ю. (представлен адвокатом г-жой Евой Римстен из шведского Красного Креста)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Швеция
<i>Дата представления жалобы:</i>	30 мая 2011 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 21 мая 2013 года,

завершив рассмотрение жалобы № 463/2011, представленной Комитету против пыток г-жой Евой Римстен от имени г-на Д.Ю. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, которая ему была представлена заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее:

Решение согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции против пыток

1.1 Заявителем является г-н Д.Ю., гражданин Узбекистана, родившийся 22 февраля 1981 года. В настоящее время он проживает в Швеции. Заявитель утверждает, что его возвращение Швецией в Узбекистан будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом г-жой Евой Римстен (из шведского Красного Креста).

1.2 Согласно правилу 114 своих правил процедуры 10 июня 2011 года Комитет обратился к государству-участнику с просьбой не высылать заявителя в Узбекистан, пока его жалоба будет находиться на рассмотрении Комитета. В соответствии с этой просьбой 13 июня 2011 года Миграционный совет постановил приостановить исполнение решения о высылке заявителя.

Фактическая сторона дела

2.1 В начале 2004 года заявитель проходил воинскую службу в Военно-воздушных силах в звании рядового (низший чин). В мае 2005 года подразделение заявителя получило приказ следовать в Андижан для подавления проходившей в городе демонстрации, сопровождавшейся проявлениями насилия. По прибытии на место заявитель получил приказ стрелять в демонстрантов. Поскольку большинство демонстрантов составляли женщины и дети, он и другие солдаты отказались стрелять и сложили оружие. Увидев это, командир направил на них пистолет и угрожал расстрелять. В тот же день, когда позднее он вернулся в военный лагерь, его арестовала полиция и увезла на гауптвахту. Его обвинили в невыполнении приказа и в государственной измене. В тюрьме он подвергался нападениям и оскорблениям.

2.2 В августе 2005 года заявителя освободили, но обязали дважды в день отмечаться в полицейском участке, даже если он был болен. В участке полицейские часто его били и угрожали ему. В октябре 2005 года неизвестные, один из которых предъявил удостоверение полицейского, пришли в дом заявителя и забрали его в полицейский участок, где допрашивали о событиях в Андижане. В течение трех дней его держали в подвале этого полицейского участка. В это время его неоднократно подвергали избиениям и оскорблениям. На третий день его перевели в Кашкадарьинскую тюрьму. Военный трибунал, проходивший без подлинного судебного разбирательства и допуска адвоката, приговорил его к тюремному заключению на три года. Ему не была выдана копия судебного решения. В тюрьме охранники также подвергали его побоям и угрозам. По истечении года его заставили подписать различные документы. В июне 2008 года он был освобожден с обязательством ежедневно отмечаться в полиции. С него взяли подписку о невыезде. При каждом посещении полицейского участка сотрудники полиции оскорбляли и унижали его.

2.3 В декабре 2008 года заявитель выехал из Узбекистана в Казахстан. Он воспользовался маршрутами контрабандистов и дал взятку для прохождения пограничного контроля. Через несколько дней после побега полиция обыскала его дом и угрожала тюрьмой и пытками его жене. Полицейские забрали ее паспорт, свидетельства о рождении детей и свидетельство о браке. 5 или 6 января 2009 года его жена с двумя детьми также выехала из Узбекистана и присоединилась к заявителю в Казахстане. Заявитель и его жена оставили детей у ее двоюродной сестры в Казахстане и направились в Санкт-Петербург в Российской Федерации, а затем на пароме проследовали в Швецию по поддельным российским паспортам. По прибытии в Швецию 19 января 2009 года заявитель с фальшивыми документами на имя Д.Б.М. и его жена подали прошение об убежище. Сообщив властям о тех событиях, которые происходили с ними в стране происхождения, они заявили, что не могут вернуться в Узбекистан, поскольку им будет угрожать опасность тюремного заключения или убийства: заявителю – за нарушение обязательства отмечаться в полиции и подписки о невыезде, а его жене – за невыполнение данного полиции обещания сообщить о местонахождении ее мужа. В доказательство того, что он является г-ном Д.Б.М., он представил свидетельство о рождении. Никаких других документов в подтверждение его личности или прошения об убежище представлено не было.

2.4 5 июня 2009 года шведский Миграционный совет отклонил прошение заявителя об убежище. Миграционный совет заявил, что изложение фактов в прошении об убежище допускает различные толкования и не содержит информации о какой-либо форме преследований по признаку расы, национальной или

социальной принадлежности, религии или политических убеждений со стороны властей страны происхождения, а также указал на отсутствие оснований полагать, что заявитель и его жена подвергнутся опасности применения к ним более строгих мер наказания, нежели любой другой правонарушитель. Совет также отметил, что заявитель не представил никаких удостоверяющих его личность документов или письменных доказательств для подтверждения того, что он был приговорен к трем годам тюремного заключения, что с него взяли подписку о невыезде и обязали отмечаться в полиции. Хотя Совет не подвергал сомнению тот факт, что страной происхождения заявителя и его жены является Узбекистан, он пришел к выводу, что приводимые им причины в обоснование отсутствия доказательств носят противоречивый и маловероятный характер и поэтому не заслуживают доверия.

2.5 Как указано в решении Миграционного совета, заявитель сообщил противоречивые сведения относительно удостоверяющих его личность документов, имевшихся в его распоряжении. В переданном через его адвоката заявлении он указывает, что его паспорт, военный билет и водительские права были изъяты полицией. Однако на беседе в Миграционном совете он и его жена сообщили, что просили своих родителей прислать его водительские права и диплом его жены в качестве удостоверяющих их личность документов. Заявитель также отказался от части своего заявления о демонстрации в Андижане и месте дислокации его полка, а его жена не вспомнила, по какому маршруту переехала в Казахстан, хотя и утверждала, что у нее не было паспорта и что она получала указания от мужа. Миграционный совет пришел к выводу об отсутствии доказательств того, что в случае возвращения в Узбекистан они будут подвергнуты пыткам либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, и в соответствии с разделом 7 главы 8 Закона об иностранцах (2005:716) постановил выслать заявителя и его жену.

2.6 Заявитель обжаловал решение Миграционного суда. В своей жалобе он заявил, что подал прошение об убежище под вымышленным именем (Д.Б.М.) из опасений за свою безопасность, что на самом деле его зовут Д.Ю. и что он родился 22 февраля 1981 года. В удостоверение своей личности он представил студенческий билет и военную книжку и утверждал, что вся прочая сообщенная им информация соответствовала действительности. Он также сообщил, что у него было два паспорта, причем первый забрали военные власти при призыве в армию. Второй паспорт он получил путем подкупа после вступления в брак. Хотя полиция изъяла оба его паспорта, в 2006 году ему удалось за взятку восстановить второй паспорт посредством подачи заявления о его утрате.

2.7 1 июня 2010 года суд провел слушание по данному делу. Заявитель вновь повторил свои предыдущие утверждения и подтвердил, что власти изъяли удостоверяющие его личность и прочие личные документы. Тем не менее ему удалось спрятать военную книжку, которую он позднее предъявил шведским миграционным властям. Он не сообщил шведским властям свое настоящее имя, поскольку боялся, что узбекская служба безопасности будет разыскивать его в Швеции. Личные документы и диплом, которые он сначала представил шведским властям, принадлежали другому лицу. Он утверждал, что в случае возвращения в Узбекистан он будет задержан, наказан и подвергнут еще более жестокому обращению, нежели в прошлом, и будет приговорен к пожизненному тюремному заключению за выезд за рубеж. Он также сообщил суду о том, что его дети вернулись в Узбекистан и проживают с его родителями. Когда он позвонил им по телефону, они разговаривали не более трех или четырех минут, поскольку телефон мог прослушиваться. Полиция два раза в неделю приходила

к его родителям и спрашивала о его местонахождении. Он также утверждал, что в результате пыток у него развилось заболевание почек.

2.8 14 июня 2010 года Миграционный суд отклонил прошение об убежище, постановил выслать заявителя из Швеции и запретил ему в течение двух лет возвращаться в Швецию без разрешения Иммиграционного совета. Суд отметил, что лицо на фотографии в военной книжке не было на него похоже и что он не смог объяснить, почему эта фотография была сделана, когда ему было 18 лет, а не во время его призыва в армию. Таким образом, его новую личность установить не удалось. Суд также указал, что он не представил никаких письменных доказательств и что описание фактов в его изложении носило нечеткий и противоречивый характер. Рассказывая о событиях в Андижане 13 мая 2005 года, заявитель не смог подробно описать заграждения на дорогах, сообщить названия таких центральных общественных пространств, как площадь Бабура, на которой собрались демонстранты, а его утверждения об обстреле демонстрантов с вертолетов и самолетов не подтверждаются материалами докладов по этой стране. Кроме того, маловероятно, чтобы в 2006 году заявителю был выдан новый паспорт во время его нахождения в тюрьме. По поводу вынесенного ему приговора он сообщил противоречивую информацию. В первоначальном представлении он утверждал, что его приговорили к трем годам тюремного заключения без судебного разбирательства и присутствия адвоката, однако в суде он заявил, что приговор ему вынесли "при закрытых дверях". Вследствие этого он не вызывает достаточного доверия и не смог доказать вероятность того, что ему может угрожать опасность преследования или применения пыток либо бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания по возвращению в Узбекистан. 16 августа 2010 года решение о высылке заявителя вступило в силу.

2.9 8 ноября 2010 года врач шведского Красного Креста осмотрел заявителя в соответствии с положениями Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол). Он засвидетельствовал наличие на теле следов, вызванных ударами и пинками, порезов бритвой на внутренней стороне левой кисти, ожогов зажигалкой на левом бедре и справа на тыльной стороне ноги, следов от ударов дубинкой на задней стороне ног, шрамов на левой ягодице, которые могли бы быть нанесены колющим предметом, ожогов от капель плавящейся пластмассы на обратной стороне правой ноги и перелома пальца в результате удара. В заключении указывалось, что он подвергался пыткам или физическим надругательствам. 10 февраля 2011 года было выдано заключение о психиатрическом обследовании, в котором отмечалось, что вследствие пыток заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством и депрессией с повышенной вероятностью суицида.

2.10 14 февраля 2011 года заявитель обратился с ходатайством в Миграционный совет в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, обеспечивающими разумные основания полагать, что в случае возвращения в Узбекистан ему будет угрожать опасность применения пыток. Он представил выданные шведским Красным Крестом медицинские заключения и утверждал, что при рассмотрении его прошения об убежище он не сознавал важности доказывания того, что в прошлом он подвергался пыткам, и что ни Миграционный совет, ни Миграционный суд не выясняли, подвергался ли он пыткам во время нахождения в тюрьме. По его словам, он опасался, что помогавший ему во время интервью переводчик сообщит о его заявлениях узбекским властям. Он утверждал, что узбекские органы внедряются в процессы предоставления убежища в Западной Европе для контроля за узбекскими гражданами, которые обращаются за полу-

чением убежища. Он сослался на опубликованный в июне 2010 года доклад Миграционного совета Швеции о положении в Узбекистане, в котором говорилось, что в Узбекистане широко применяются пытки, что в период с 2002 по 2009 год в результате пыток скончались девять участников событий в Андижане и что вследствие этого все причастные к событиям в Андижане лица могли находиться в опасности.

2.11 14 марта 2011 года Миграционный совет постановил повторно не рассматривать прошение заявителя. Он считал, что характер и весомость приведенных заявителем причин не настолько существенны, чтобы воспрепятствовать исполнению решения о его высылке в соответствии с разделом 18 главы 12 шведского Закона об иностранцах. Совет считал, что упоминаемые в его новом заявлении новые обстоятельства уже были изучены Миграционным советом и Иммиграционным судом. Не было приведено никаких новых обстоятельств в подтверждение потребности заявителя в защите, и в этой связи не существовало оснований для пересмотра данного дела. Заявитель обжаловал это решение в Миграционном суде.

2.12 7 апреля 2011 года Миграционный суд отклонил эту жалобу. По его мнению, утверждения заявителя о крайне жестоком обращении в тюрьме уже были изучены, а его новые высказывания о пытках представляли собой лишь измененную или дополненную версию его предыдущих заявлений. Его утверждения о том, что его разыскивает полиция и что его отцу угрожали арестом, являются новыми. Однако в их подтверждение не было представлено никаких письменных доказательств. Заявитель подал ходатайство о пересмотре решения в Апелляционный миграционный суд, в котором утверждал, что представил новые относящиеся к делу доказательства пыток. В апреле 2011 года Апелляционный миграционный суд отклонил его ходатайство. В результате он утверждает, что все внутренние средства правовой защиты исчерпаны и что в любое время может быть приведено в исполнение решение о депортации.

Жалоба

3.1 Заявитель считает, что государство-участник должным образом не проанализировало опасность, которой он подвергнется в случае возвращения в Узбекистан. Ему лично будет угрожать опасность преследований и применения пыток в нарушение статьи 3 Конвенции.

3.2 Он утверждает, что за отказ стрелять в демонстрантов он был брошен в тюрьму, подвергался унижениям и пыткам. Его освободили из тюрьмы, однако приказали каждый день отмечаться в полиции и запретили перемещаться. Когда он приходил в полицию отметить, его унижали и оскорбляли. Он покинул страну своего происхождения, так как боялся, что его вновь посадят в тюрьму и будут пытать. В случае возвращения его будут преследовать как предателя и могут приговорить к пожизненному тюремному заключению за самовольный выезд за рубеж. После его отъезда полиция третирует его жену и угрожает ей тюрьмой и пытками. В настоящее время полиция продолжает посещать дом его родителей и пытается заставить его отца сообщать о его местонахождении.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа

4.1 12 декабря 2011 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа жалобы и просило Комитет объявить ее неприемлемой в силу ее явной необоснованности согласно пункту 2 статьи 22 Конвенции. Государство-участник признает, что все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

4.2 Государство-участник заявляет, что представленные заявителем резюме решения Иммиграционного совета и постановления Иммиграционного суда, первоначально составленные на шведском языке, были недостаточно качественными и в них не хватало несколько важных частей. В этой связи к своему представлению он прилагает перевод упомянутого решения и постановления.

4.3 Сообщенная Комитету информация о месте, в котором находился заявитель и его подразделение, когда был отдан приказ открыть огонь, Миграционному совету не представлялась. Это выяснилось только на устных слушаниях в Миграционном суде, т.е. на относительно позднем этапе рассмотрения вопроса об убежище. Аналогичным образом в поданной в Комитет жалобе сказано, что в Кашкадарьинской тюрьме охранники подвергали его издевательствам, унижениям, избиениям и угрозам. Однако в его письменном представлении Миграционному совету говорится лишь о том, что там его избивали.

4.4 Государство-участник утверждает, что если Комитет признает сообщение приемлемым, то при рассмотрении его по существу Комитету предстоит решить вопрос о том, будет ли высылка заявителя представлять собой нарушение обязательства Швеции по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать какое-либо лицо в другое государство при наличии серьезных оснований полагать, что ему или ей может угрожать там применение пыток.

4.5 Относительно общего положения в области прав человека в Узбекистане государство-участник утверждает, что, поскольку Узбекистан в 1995 году присоединился к Конвенции, считается, что Комитет в целом хорошо осведомлен об общем положении в области прав человека в этом государстве-участнике. Из докладов других государств явствует, что общее положение в области прав человека оценивается неоднозначно¹. Оно далее отмечает, что Генеральный директор по юридическим вопросам шведского Миграционного совета указывал на необходимость проявления повышенной осмотрительности при оценке опасности для заявителей из определенных групп в Узбекистане, которые особо подвержены угрозе преследований, включая лиц, тем или иным образом причастных к событиям в Андижане. Однако такая оценка должна, как всегда, включать изучение вопроса о том, сумел ли заявитель убедительно обосновать свое прошение об убежище².

4.6 По достоинству оценивая обеспокоенность, которая может быть законно выражена в отношении текущего положения в области прав человека в Узбекистане, государство-участник тем не менее заявляет, что обозначенные в выше-

¹ Государство-участник ссылается на доклад Государственного департамента Соединенных Штатов Америки за 2010 год "Country Report on Human Rights Practice: Uzbekistan" (8 апреля 2011 года); доклад Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии "Foreign and Commonwealth Office Report – Uzbekistan" (31 марта 2011 года); *Mänskliga rättigheter i Uzbekistan 2010 – 2010* – доклад Министерства иностранных дел Швеции о состоянии прав человека в Узбекистане. Оно также ссылается на доклад организации "Хьюман райтс уотч" за 2011 год "World Report 2011: Uzbekistan". По поводу событий в Андижане и их последствий оно ссылается на доклад, опубликованный 21 июня 2010 года Миграционным советом Швеции "*Uzbekistan-Allmän bakgrund och aktuell situation*"; доклад "Хьюман райтс уотч" "*Saving its Secrets: Government Repression in Andijan*" (май 2008 года); и доклад Международной кризисной группы "Uzbekistan: The Andijon Uprising" (25 мая 2005 года).

² Государство-участник ссылается на документ Миграционного совета Швеции "*Rättshjälps kommentar angående förhållandena i Uzbekistan*", опубликованный 6 мая 2011 года.

упомянутых докладах обстоятельства сами по себе не являются достаточным основанием для установления того, что принудительное возвращение заявителя в Узбекистан повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции. Пункт 1 статьи 3 Конвенции предусматривает, что соответствующему лицу должна угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность применения пыток в той стране, в которую он подлежит возвращению, и что при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений, хотя при этом не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности³.

4.7 Для оценки опасности применения пыток при рассмотрении прошения об убежище в соответствии с вышеупомянутым Законом шведские миграционные власти и суды применяют тот же критерий, которого придерживается Комитет при изучении последующего сообщения в соответствии с Конвенцией⁴. Национальные власти имеют весьма благоприятные возможности для оценки представляемой просителем убежища информации и анализа его или ее заявлений или утверждений, поскольку находятся с ним в прямом контакте. В свете выше-сказанного за основу следует брать оценку ситуации шведскими миграционными властями.

4.8 При анализе достоверности утверждений заявителя государство-участник в основном руководствуется аргументацией, изложенной в решении Миграционного совета от 5 июня 2009 года и постановлении Миграционного суда от 14 июня 2010 года. Государство-участник отмечает также, что заявитель первоначально подал прошение об убежище под именем Д.Б.М. и в подтверждение этого представил документы, которые оказались фальшивыми. Позднее в Миграционном суде он утверждал, что на самом деле он является Д.Ю., и предъявил копию паспорта, копию свидетельства о рождении и оригиналы водительских прав и военной книжки. Однако он не смог убедительно объяснить, как в 2006 году в тюрьме ему удалось получить паспорт, особенно с учетом того, что ему было запрещено выезжать из страны. Он также не смог объяснить, каким образом в 2003 году получил второй паспорт при вступлении в брак, так как в связи с бракосочетанием паспорта в Узбекистане не выдаются. Все это дает достаточно оснований поставить под сомнение общее доверие к заявителю, достоверность его личных данных и его утверждений по другим аспектам данного дела.

4.9 В соответствии с медицинским заключением, выданным врачом шведского Красного Креста 8 ноября 2010 года, повреждения и шрамы у заявителя могли быть вызваны действиями, соответствующими его утверждениям. В этой связи не представляется возможным сделать какие-либо определенные выводы в отношении причины нанесения заявителю телесных повреждений, а ценность такой причины как доказательства следует признать незначительной. Аналогичным образом медицинское заключение о том, что он страдает посттравматическим стрессовым расстройством, не может служить подтверждением его утверждений.

³ Государство-участник ссылается на жалобу № 103/1998, *С.М.Р. и М.М.Р. против Швеции*, решение от 5 мая 1999 года, пункт 9.7, а также принятое Комитетом замечание общего порядка № 1 (1997 года) об осуществлении статьи 3 Конвенции, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят третья сессия, Дополнение № 44 (A/53/44 и Corr.1)*, приложение IX.

⁴ См. разделы 1 и 2 главы 4 Закона об иностранцах до 1 января 2010 года и разделы 1, 2 и 2а главы 4 Закона об иностранцах после 1 января 2010 года.

4.10 Заявитель не представил никаких документов с целью обоснования того, что он был осужден за нарушение военного законодательства. Он не представил также документов в связи с заявлением о том, что ему было запрещено перемещаться и что он был взят под наблюдение. По утверждению заявителя, он располагал документом, подтверждавшим, что он находился под надзором, но передал его местным властям, когда отмечался в полиции. Однако государство-участник выражает недоумение по поводу того, что во время интервью он не смог описать содержание этого документа.

4.11 В процессе рассмотрения прошения об убежище заявитель сообщал расплывчатую или противоречивую информацию о событиях в Андижане. В своем первом интервью в Миграционном совете он не упомянул о своей причастности к этим событиям. Впоследствии он сообщал властям, что его полк располагался в 500–600 м от Андижана, что протестующие демонстранты скапливались неподалеку от его полка и что поблизости находилась тюрьма. Впоследствии он снял это заявление и утверждал, что полк дислоцировался приблизительно в 40 минутах или даже часе езды от того места, где проходила демонстрация. До слушания в Миграционном суде он так четко и не сказал, что демонстрация проходила в центре Андижана. Не смог он сообщить и названия мест в центре города, где состоялась демонстрация, а его заявление о том, что демонстранты подвергались обстрелам с вертолетов и военных самолетов не подтверждается никаким докладом. Соответственно в силу неопределенности и неточности описания обстоятельств дела он не смог убедительно доказать, что присутствовал в Андижане на месте событий.

4.12 Заявитель также изменил свое заявление о состоявшемся над ним суде. На втором интервью в Миграционном совете он сказал, что его приговорили к тюремному заключению в отсутствие адвоката и судебного разбирательства. В ходе устных слушаний в Миграционном суде он утверждал, что суд все-таки состоялся, но проходил при закрытых дверях.

4.13 В Миграционном совете заявитель утверждал, что тюремная охрана Кашкадарьинской тюрьмы подвергала его физическому насилию, а во время дачи устных показаний в Миграционном суде сообщил, что его пытали и что тюремные охранники использовали для этого стулья и бутылки. Подобным образом в письменном представлении Миграционному совету он указал, что когда в порядке выполнения вмененной ему обязанности приходил отмечаться в полицию, то *иногда* подвергался физическому насилию, угрозам и унижениям. Однако на устных слушаниях в Суде он утверждал, что *всякий раз*, когда он предстал перед полицейскими властями, полицейские унижали его и издевались. Таким образом, по мере рассмотрения дела обращение, которому он якобы подвергался, описывалось во все более сильных выражениях. Это уменьшает доверие к утверждениям заявителя по этому вопросу.

4.14 Все вышесказанное, а также неувязки и противоречия в заявлении автора властям государства-участника, равно как и неопределенность основных элементов его прошения об убежище и представление заявителем поддельных удостоверяющих личность документов, не позволяют сделать вывод о том, что в случае возвращения в Узбекистан он подвергнется опасности обращения, которое противоречит Конвенции.

Комментарии заявителя относительно замечаний государства-участника

5.1 15 февраля 2012 года заявитель представил свои комментарии относительно замечаний государства-участника.

5.2 Он указывает на существование постоянной практики грубых нарушений прав человека в Узбекистане. Опасность подвергнуться пыткам в результате ареста или задержания исключительно велика. Для получения признаний или инкриминирующих сведений сотрудники служб безопасности и полиции повсеместно прибегают к избиениям и жестокому обращению с задержанными. По данным "Хьюман райтс уотч", правительство по-прежнему отказывается расследовать события 2005 года в Андижане и привлечь к ответственности виновных. Власти преследуют всякого, кого подозревают в причастности к этим жестокостям или кто был их свидетелем. 30 апреля 2011 года беженка из Андижана г-жа Д.А., вернувшаяся в Узбекистан в январе 2010 года, была приговорена к 10 годам и 2 месяцам тюремного заключения за незаконное пересечение границы и антиконституционную деятельность, несмотря на данные ее семье заверения, что по возвращении ей не причинят вреда⁵. Возвращающихся в Узбекистан и вызываемых в суд лиц содержат в одиночных камерах, увеличивая тем самым опасность применения пыток или другого жестокого обращения, а проводимые над ними суды носят несправедливый характер⁶. Кроме того, узбекское правительство использует так называемую "систему махалля", в рамках которой местные комитеты обязаны контролировать положение, выявлять подозрительных лиц и сообщать о них в полицию, особенно если речь идет об амнистированных заключенных или родственниках лиц, приговоренных к тюремному заключению за предполагаемый экстремизм⁷.

5.3 Заявитель оспаривает утверждение государства-участника о том, что при рассмотрении его прошения об убежище оно руководствовалось Конвенцией. Миграционный совет и Суд в основном сосредоточили свое внимание исключительно на том факте, что по прибытии в Швецию он представил поддельные удостоверяющие личность документы. Он считает, что само по себе ложное заявление не может служить причиной отказа в статусе беженца и что власти обязаны проанализировать такое заявление с учетом всех относящихся к делу обстоятельств.

5.4 Власти государства-участника должны были принять во внимание, что первое интервью с миграционными властями было непродолжительным и у него не было адвоката. В отличие от этого на втором интервью 17 апреля 2009 года уже имевший адвоката заявитель подробно ответил на все вопросы и четко описал случившееся в Андижане. Он сообщил проводившему интервью сотруднику, что в тюрьме его пытали, и добавил, что его подвергали избиениям и жестокому обращению. В этой связи этот сотрудник должен был задать ему дополнительные вопросы по поводу его утверждений, тем более что он прибыл из страны, в которой происходят вопиющие нарушения прав человека.

5.5 Заявитель также напомнил о своих опасениях по поводу того, что переводчик шпионил на службу безопасности Узбекистана, поскольку в нескольких докладах говорилось, что эта служба активно работает в странах, где находятся просители убежища из Узбекистана. Этим страхом объясняется и тот факт, что заявитель подал прошение об убежище под чужим именем. Однако государство-участник оценивало степень доверия к нему исключительно на основе того обстоятельства, что по прибытии в Швецию он предъявил поддельные документы.

⁵ Заявитель ссылается на *2011 Human Rights Watch Report*.

⁶ Заявитель ссылается на доклад Международной амнистии за 2009 год, представленный Комитету по правам человека.

⁷ Заявитель ссылается на доклад Государственного департамента Соединенных Штатов Америки за 2008 год: "Human Rights Report – Uzbekistan".

5.6 В связи с его описанием событий в Андижане он оспаривает мнение государства-участника о том, что он сообщил неточную и противоречивую информацию. Из протокола второго интервью от 17 апреля 2009 года со всей очевидностью вытекает, что с самого начала произошло недопонимание, которое разрешилось позднее в ходе интервью, когда он сообщил властям, что его полк располагался в 40 минутах или даже в часе езды от Андижана. Это же он заявил и на слушании в Миграционном суде. Он также дал подробное описание заданных ему вопросов о событиях в Андижане, исходя из того, что видел сам и что происходило вокруг него. Он не является жителем Андижана и поэтому не знает названий улиц.

5.7 Довод государства-участника о том, что во время событий в Андижане не велась стрельба с вертолетов и военных самолетов, противоречит материалам статьи "Би-би-си ньюз" от 17 мая 2005 года, согласно которой некоторые люди говорили о том, что по ним начали стрелять с вертолетов.

5.8 По поводу его противоречивых сведений о том, каким образом он попал в тюрьму и проходил ли над ним суд, заявитель утверждает, что различия между его заявлением во время второго интервью в Миграционном совете 17 апреля 2009 года и информацией, оглашенной им на слушании в Суде, объясняются нехваткой у него правовых знаний и его низким образовательным уровнем.

5.9 Сообщенная им информация о событиях в Андижане и о его собственном положении должна была побудить сотрудников Миграционного совета задать ему дополнительные вопросы, если они сомневались в его утверждениях⁸.

5.10 Медицинское заключение, выданное врачом шведского Красного Креста, подтверждает возможность того, что выявленные на теле заявителя повреждения и шрамы могли быть причинены действиями, о которых он говорил. Он продемонстрировал вероятность того, что присутствовал в Андижане во время событий; что его приговорили к тюремному заключению; и что его пытали в тюрьме в Узбекистане. С учетом сообщений о том, что у любого человека, имеющего отношение к событиям в Андижане, есть все основания опасаться преследований или притеснений в случае возвращения в Узбекистан, заявитель утверждает, что государство-участник не смогло должным образом оценить серьезную опасность, которая в случае возвращения будет угрожать лично ему в нарушение статьи 3 Конвенции.

Дальнейшие замечания государства-участника и комментарии заявителя

6.1 5 декабря 2012 года государство-участник представило дополнительные замечания относительно приемлемости и существа жалобы.

6.2 Государство-участник подчеркивает свои ранее сделанные замечания и сообщает, что упоминаемые заявителем доклады НПО и государств об ухудшении положения в области прав человека в Узбекистане были также изучены государством-участником. Вопреки данным о нарушениях прав человека в Узбекистане, сами по себе эти доклады не являются достаточным основанием утверждать, что в случае возвращения заявителю будет угрожать опасность обращения, которое противоречит статье 3 Конвенции.

6.3 После подачи заявителем прошения об убежище в 2009 году Миграционный совет уведомил его о важности подтверждения его личности. Тем не менее в августе 2009 года, т.е. через несколько месяцев после прибытия на террито-

⁸ Заявитель ссылается на жалобу № 149/199, *А.С. против Швеции*, мнения от 24 ноября 2000 года.

рию государства-участника, он представил фальшивые удостоверяющие его личность документы и лишь в апреле 2010 года предъявил доказательства того, что он является другим лицом. Государство-участник также отмечает, что заявитель не высказался по поводу подлинности этих документов и, в частности, не рассказал о том, каким образом ему удалось добиться выдачи ему нового паспорта в 2006 году, когда он, якобы, находился в тюрьме. Он также не пояснил, как он сумел представить иммиграционным властям копию паспорта в апреле 2010 года. Кроме того личность заявителя, по существу, до сих пор не подтверждена.

6.4 Рассказ заявителя о событиях в Андижане и о его пребывании в тюрьме не содержит подробностей и строится на открытой информации, которую можно получить через международные службы новостей. Его замечания в Комитете не раскрывают причин, по которым власти Узбекистана могли бы проявить к нему интерес из-за его предполагаемой причастности к событиям в Андижане. Как Миграционный совет, так и Миграционный суд встречались с заявителем и проводили продолжительные слушания с его участием. Однако неточность его утверждений подтолкнула их к выводу о том, что они являются недостаточно обоснованными. Нет никаких оснований считать, что решения иммиграционных властей носили неадекватный или произвольный характер.

6.5 Государство-участник не оспаривает, что заявитель подвергался жестокому обращению, как это записано в медицинских заключениях. Тем не менее он не подтвердил свое утверждение об участии в андижанских событиях и не предоставил никаких других обоснований тех причин, по которым узбекские власти могли бы проявить к нему интерес в случае его возвращения в Узбекистан.

7.1 9 января 2013 года заявитель представил Комитету дополнительные комментарии и утверждал, что на слушании в Миграционном суде сообщил, что у него имелось два паспорта. Первый паспорт был изъят властями при его призыве в армию. Второй паспорт был получен сразу после вступления в брак с помощью взятки. В 2006 году путем подкупа он заручился помощью в восстановлении своего второго паспорта, сообщив о его потере. При содействии друзей ему удалось утаить свою военную книжку в момент ареста. В итоге он информировал шведские власти о том, что оба его паспорта находятся у узбекских властей.

7.2 Он утверждает, что у него диагностировали посттравматическое стрессовое расстройство; что страдающие таким расстройством жертвы пыток редко помнят все подробности и обстоятельства своих дел; и что этим также можно объяснить его острую боязнь миграционных властей и отсутствие доверия к переводчикам во время интервью.

Вопросы и порядок их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

8.1 Перед рассмотрением любых утверждений, изложенных в жалобе, Комитет должен определить, является ли она приемлемой согласно статье 22 Конвенции. В соответствии с требованием пункта 5 а) статьи 22 Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

8.2 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции он не рассматривает никакие сообщения от отдельного лица, если не

убедится в том, что данное лицо исчерпало все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. Комитет отмечает, что в данном случае государство-участник признает, что заявитель исчерпал все имеющиеся внутренние меры правовой защиты.

8.3 Государство-участник утверждает, что данное сообщение является неприемлемым, поскольку оно явно необоснованно. Комитет, однако, считает, что выдвинутые заявителем аргументы затрагивают важные вопросы, которые должны рассматриваться по существу. Ввиду отсутствия препятствий для признания сообщения приемлемым Комитет объявляет его приемлемым.

Рассмотрение сообщения по существу

9.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему соответствующими сторонами.

9.2 Комитету предстоит решить, является ли высылка заявителя в Узбекистан нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать ("refouler") какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему или ей может угрожать там применение пыток.

9.3 В связи с утверждениями заявителя о том, что в Узбекистане ему угрожает тюремное заключение и что такое тюремное заключение неизбежно будет сопровождаться применением жестокого обращения и пыток, которым он подвергался в тюрьме в период с 2005 по 2008 год, Комитету надлежит определить, имеются ли существенные основания полагать, что ему лично будет угрожать опасность применения пыток по возвращению в страну своего происхождения. При оценке этой опасности Комитет должен принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако Комитет напоминает, что такая оценка имеет своей целью установить, угрожает ли лично данному лицу предсказуемая и реальная опасность применения пыток в стране, в которую он или она подлежит возвращению. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в какой-либо стране само по себе не является достаточной причиной полагать, что тому или иному лицу будет угрожать опасность применения пыток по возвращению в эту страну. Должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу. И наоборот, отсутствие существования постоянной практики вопиющих нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо в тех или иных конкретных обстоятельствах не может быть подвергнуто пыткам.

9.4 Комитет напоминает свое замечание общего порядка № 1 (1997) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22⁹, в соответствии с которым при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке этого риска не следует брать за основу критерий "высокой степени вероятности", Комитет напоминает, что бремя доказывания обычно лежит на заявителе, который должен аргументировано изложить, что ему угрожает "предсказуемая, реальная и личная" опасность. Принимая во

⁹ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят третья сессия, дополнение № 44 (A/53/44 и Corr.1), приложение IX.

внимание, что в соответствии с положениями этого замечания общего порядка Комитет правомочен свободно оценивать факты с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу, он напоминает, что он не является судебным или апелляционным органом и что он должен в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные органами соответствующего государства-участника.

9.5 В данном случае Комитет принимает во внимание замечания государства-участника о положении в области прав человека в Узбекистане и вывод миграционных властей и суда о том, что существующие в этой стране условия сами по себе не являются достаточным основанием считать, что принудительное возвращение заявителя в Узбекистан будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции. Комитет также выражает обеспокоенность в связи с событиями в Андижане в мае 2005 года и последующими действиями властей¹⁰. Комитет напоминает о своей обеспокоенности, вызванной многочисленными и последовательными утверждениями о повсеместном применении пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания сотрудниками правоохранительных и следственных органов либо по их подстрекательству или с их ведома, зачастую с целью получения признаний или сведений для использования в уголовных разбирательствах.

9.6 Комитет отмечает, что государство-участник обращает внимание на неувязки и противоречия в утверждениях и представлениях заявителя, которые ставят под сомнение общее доверие к нему и правдивость его утверждений. В частности, заявитель назвался чужим именем и представил фальшивые документы при подаче первоначального прошения об убежище в Миграционный совет, а предъявленные им в Миграционный суд документы с целью подтверждения его, якобы, подлинной личности, оказались ненадежными. Вследствие этого сохраняются сомнения относительно того, кем он является на самом деле. По мнению государства-участника, он не смог представить письменных доказательств в подтверждение своих заявлений о том, что его приговорили к трем годам тюремного заключения, запретили перемещаться и установили за ним надзор со стороны полиции, в которой он должен был ежедневно отмечаться. Его заявления по поводу, якобы, имевшего место жестокого обращения в процессе рассмотрения дела менялись, и в самом начале речь шла о действиях, которые не являлись пытками. Он не смог сообщить достаточно подробностей о событиях в Андижане в мае 2005 года и изменил свои первоначальные утверждения о расположении его полка.

9.7 Комитет также отмечает, что заявитель оспаривает оценку государства-участника и утверждает, что назвался собственным именем только в Миграционном суде из боязни того, что служба безопасности Узбекистана может разыскать его и подвергнуть репрессиям, и что он сообщил достаточно подробные сведения о событиях в Андижане в мае 2005 года, об участии в них, о своем тюремном заключении, а также о применении к нему пыток и жестокого обращения. Вынужденная необходимость уточнять или изменять свои первоначальные утверждения объясняется отсутствием у него правовых знаний, его страхом по прибытии в Швецию и недостаточно конкретными вопросами со стороны миграционных властей. Он утверждает, что выданное шведским Красным Крестом медицинское заключение наряду со всей представленной им информацией сверх всяких разумных подозрений доказывает, что в тюрьме его пытали.

¹⁰ Выводы и рекомендации Комитета против пыток, Узбекистан, CAT/C/UZB/CO/3, пункты 6–9. См. также заключительные замечания Комитета по правам человека, Узбекистан, CCPR/C/UZB/CO/3, пункт 8.

9.8 Комитет принимает к сведению замечание государство-участника о том, что заявитель предъявил Миграционному совету фальшивые удостоверяющие его личность документы и что впоследствии Суд не смог удостоверить подлинную личность заявителя; что он не раз менял свои первоначальные заявления; что не смог сообщить простую информацию о событиях в Андижане, например название главной площади, на которой проходила демонстрация; что он не представил никаких документов о его осуждении военным судом и о запрете на перемещения, и не смог описать эти документы; что его утверждения о пытках носят расплывчатый характер и не содержат подробных сведений об обстоятельствах применения таких пыток. Хотя в медицинском заключении шведского Красного Креста указывается, что на теле заявителя имеются следы, которые могли быть оставлены пытками, и что при оценке опасности, которой подвергаются просители убежища из определенных групп населения Узбекистана, включая лиц, имевших отношение к событиям в Андижане, власти должны проявлять крайнюю осмотрительность, заявитель не представил доказательств в подтверждение своего участия в андижанских событиях, своего тюремного заключения, суда и приговора. Комитет отмечает, что вопреки утверждениям заявителя, его дети, первоначально выехавшие с его женой в Казахстан, вернулись в Узбекистан и проживают с его родителями и что заявитель не сообщил о применении каких-либо мер в отношении членов его семьи помимо попыток полиции получить информацию о его местонахождении. Соответственно, Комитет считает, что заявитель не смог представить достаточные доказательства в подтверждение своих утверждений о том, что в случае возвращения в Узбекистан ему будет угрожать реальная опасность применения пыток.

9.9 В свете вышеизложенного Комитет считает, что заявитель не доказал, что в случае его высылки в страну происхождения лично ему будет угрожать предсказуемая и реальная опасность применения пыток по смыслу статьи 3 Конвенции, с учетом которой Комитет мог бы сделать какой-либо вывод, который бы отличался от вывода миграционных властей и судов государства-участника.

10. Соответственно, Комитет против пыток, действуя согласно пункту 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, делает вывод о том, что высылка заявителя в Узбекистан государством-участником не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является английский. Впоследствии будет также издано на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]